

УДК 811.512.111'37

**ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРФОРМАТИВНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Г. Г. Яковлева

В статье рассматриваются перформативные высказывания и их варианты в чувашском языке. Автор анализирует основные свойства перформативных формул и описывает их семантические и конструктивные особенности в данном языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перформативное высказывание, язык, семантика, глагол, прагматика

ЯКОВЛЕВА Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков №1 Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. inyaz1E311@mail.ru

Цитирование: Яковлева Г.Г. Прагмасемантические особенности перформативных высказываний в чувашском языке [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 3. – С. 153–164. Режим доступа: www.tverlingua.ru

**PRAGMATIC SEMANTIC FEATURES OF PERFORMATIVE UTTERANCES
IN THE CHUVASH LANGUAGE**

Galina G. Yakovleva

The article deals with performative utterances and their variants in the Chuvash language. The author analyzes the main properties of performative formulas and describes their semantic and constructive features in this language.

KEY WORDS: performative utterance, language, semantic, verb, pragmatics

YAKOVLEVA Galina G. – DSc in Philology, Professor, Professor of Department of foreign languages №1 of Chuvash State University named after Ulyanov I.N. inyaz1E311@mail.ru

Citation: Yakovleva G.G. Pragmatic semantic features of performative utterances in the Chuvash language [Electronic resource] // World of linguistics

and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 3. – P. 153–164.
Access mode: www.tverlingua.ru

Известно, что основной единицей речевого общения является перформативное высказывание говорящего с определенной интенцией, направленного на адресата (Романов, 1987; 1988; 2020; Романов, Романова, 2017; Романова, 2010 и др.). С момента перформативного бума, который охватил лингвистический мир в прошлом столетии, были исследованы и выделены представителями различных отечественных и зарубежных школ и направлений основные свойства этих высказываний, как, например эквивалентность, или равнозначность описываемому им действию (Остин, 1989); неverifiedируемость, т.е. неприложимость к перформативному высказыванию критерия истинного значения; автономинативность, т.е. способность перформативного высказывания именовать само себя свой собственный речевой акт; эквитемпоральность, совпадение времени, обозначаемого перформативным глаголом с моментом речи; компетентность, или наличие условий правомочности у говорящего; определенная лексическая и грамматическая выраженность перформативов. Ядром этих высказываний является перформативный глагол в 1 л. ед. числа настоящего времени, чаще всего в качестве перформативного глагола выступают глаголы говорения (Апресян, 1986). Первый актант перформативного глагола выражается дейктическим местоимением 1 л. ед. ч., а второй – местоимением 2 л. ед. ч. или мн. ч., например, «Я прошу тебя (Вас) пойти со мной в театр». В этом высказывании представлены все компоненты этой формулы и аналогичное высказывание рассматривается как исходная или каноническая форма эксплицитно выраженного перформатива. Следует отметить, что в отечественной лингвистике несомненный вклад в исследовании перформативных высказываний внес известный филолог А. А. Романов. В своих работах он анализирует не только содержательные, формальные

аспекты перформативов, а также описывает их роль в динамической модели диалога, выявляет особенности метакоммуникативного характера данных высказываний (Романов, 1988).

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что перформативные высказывания достаточно хорошо изучены на материале английского, немецкого, французского, русского языков. Однако, в чувашском языке они остались вне поля зрения исследователя, и изучение данных высказываний представляет определенный теоретический и практический интерес.

В статье рассматриваются семантические и конструктивные особенности перформативных формул директивного типа в чувашском языке. Выбор директивных перформативных высказываний объясняется их высокой частотностью использования в дискурсе носителей данного языка.

Отметим, что директивные высказывания репрезентируют акт волеизъявления говорящего субъекта, которое проявляется в побуждении адресата к определенному действию. К этим высказываниям мы относим инъюнктивы (приказы, требования, команды, распоряжения, принуждения); реквестивы (просьбы, мольбы, заклинания); инструктивы (предписания, рекомендации, предостережения, разрешения, запреты); суггестивы (советы, предложения, предупреждения); инвитивы (приглашения). Все эти высказывания обладают семантическими признаками, присущими директивам: волеизъявление, отнесенность действия к плану настоящего-будущего, направленность на адресата, т. е. основными компонентами семантической структуры высказываний являются:

говорящий - действие – слушающий

Чаще всего семантическую структуру директивных высказываний представляют в виде конфигурации предикативного ядра - релятора и его аргументов, обладающих определенными ролевыми характеристиками (Романов 1988; Яковлева 1994)

Следует отметить, что семантическая структура каждого типа директивного высказывания (просьб, советов, предложений, приглашений, предупреждений и т. д.) находится в определенной зависимости от валентности и семантической характеристики соответствующего релятора. Например:

Эпё сана кузов сине тухса ларма ыйтатӑп. (Терентьев, 1994: 334)

1 2 3 0

«Я прошу тебя пересесть в кузов машины»,

где 0 репрезентирует позицию предикатора, 1-позицию первого аргумента, 2, 3 указывают на позиции второго и третьего аргументов. Приведенный пример показывает, что формально перформативная формула в чувашском языке имеет принципиальное отличие по месту расположения ее конstituентов по сравнению с канонической формулой. Это объясняется грамматическим строем данного языка. Как известно, порядок слов в чувашском языке имеет свою специфику. Обычно в начале предложения находится подлежащее, а в конце предложения – сказуемое со всеми относящимися к нему пояснительными словами.

Конструктивным ядром семантической структуры директивных перформативных формул являются глагольные лексемы: хуш (приказывать), хисте (требовать), ыйт (просить), йӑлӑн (умолять), чён (приглашать), асӑрхаттар (предупредить), чар (запретить), ирӑк пар (разрешать), сён (советовать), обладающие следующими признаками: реляционность, акциональность, каузативность, локутивность, результативность. Релятивный характер этих побудительных глаголов, проявляется в постоянном числе аргументов: количество аргументов в директивных высказываниях равно трем (кто-то побуждает кого-то сделать что-то). Акциональный признак выражает конкретный вид деятельности, а именно речевое действие: кто-то делает что-то. Этот признак характеризует способ воздействия одного лица на другое, раскрывая тем самым каузативный характер директивных глаголов. Вышеназванные директивные глаголы относятся к классу

каузативных глаголов и представляют собой речевую каузацию в виде конкретного действия. Речевая каузация этих глаголов проявляется в одновременном совершении вербального акта каузации, например:

1. Эпё сана хәнана чёнетёп (Петров, 1995: 159)

«Я приглашаю тебя в гости».

2. Зоотехникран хятарма ыйтатӓп (Родинов, 1991: 239)

«Прошу освободить от зоотехника»

3. Сире, господин Иванов, йеркеллёрех пулма сёнетёп (Родинов, 1991: 239) «Вам, господин Иванов, советую быть поаккуратнее»

4. Тепёр хут асӓрхаттаратӓп сире, гражданин. (Краснов, 1977: 104)

«Еще раз предупреждаю Вас, гражданин».

В этих высказываниях говорящий является носителем каузации, который воздействует на слушающего (на объект каузации) при помощи своего высказывания, т.е. каузирует приглашением (1), просьбой (2), советом (3), предупреждением (4).

Вышеназванный признак результативности речевой каузации проявляется на уровне коммуникативного взаимодействия и характеризует смену отношений между говорящим и слушающим, которые сложились между ними к моменту реализации речевого действия. Само по себе речевое действие рассматривается в данном случае как реализующееся именно в момент говорения (Романов, 1988).

Итак, семантическая структура директивных реплик представляет собой трехаргументную конфигурацию. Первый аргумент обозначает носителя каузации, второй аргумент репрезентирует объект каузации, третий-цель каузации. Аргументная позиция носителя воздействия может замещаться только одушевленным предметом, выполняющим семантическую функцию агента по отношению к процессу акта каузации в форме речевого действия и объекту каузации. Аргументная субкатегоризация позволяет снабдить агентивный аргумент дополнительным набором сил, отражающих его семантические свойства - одушевленное лицо: + каузатор, говорящий. В

предикатной структуре данный аргумент выполняет роль семантического субъекта. При поверхностной манифестации источник каузации выражен личным местоимением 1л.ед.ч., например, Эпё сана дуэле мар, следстви комиссине чёнетёп (Кӓлкан, 1981: 30) «Я тебя приглашаю не на дуэль, а на следственную комиссию».

Аргументная позиция объекта каузации замещается также одушевленным предметом, выполняя роль пациентива. Второй аргумент характеризуется следующим набором семантических признаков: + одушевленное лицо: объект каузации, слушающий, потенциальный исполнитель каузируемого действия. В тектонической структуре директивных реплик этому аргументу соответствует прямое дополнение.

Например: Эпё сире тархаслатӓп, Елена Сергеевна «Я прошу Вас, Елена Сергеевна» (Кӓлкан, 1981: 30). Что касается аргумента цели, то его позиция заполняется директивных высказываниях предикатной структурой или зависимым предикатным именем, репрезентирующим соответствующую ситуацию, например: 1 Сире эп ҫамрӓксен балне чёнетёп (Терентьев, 1994: 335) «Я приглашаю Вас на молодежный бал» 2. Эпё ҫавӓн ҫуррине ҫеҫ ыйтатӓп (Петров, 1995: 215).

«Я прошу только ту половину».

Отметим, что в некоторых перформативных формулах могут оказаться незамещенными аргументные позиции агентива, пациентива, цели. Например: Хушатӓп «Приказываю».

Исследование языкового материала показывает, что в чувашском языке наблюдается неполная реализация реляционной структуры директивных высказываний. Чаще всего опускается первый актанта 1.Ман пӓлӓмрен кайма ыйтатӓп, господин полицейский (Петров, 1995: 216). «Прошу уйти из моей комнаты, господин полицейский» 2.Тепӓр хут асӓрхаттаратӓп «Еще раз предупреждаю».

Приведенные примеры иллюстрируют отсутствие первого актанта, так как согласно глагольной системе чувашского языка первый компонент стандартной перформативной формулы выражен морфологическим путем т.е. окончание перформативного глагола в 1 л.ед.ч. настоящего времени. Особого внимания заслуживает изучение конструктивных особенностей перформативных формул в чувашском языке.

Наблюдение за вербальным поведением представителей данной лингво-культуры показывает, что стандартная перформативная формула встречается крайне редко. Подчеркнем, что существенной особенностью стандартных перформативных формул является их закрепленность за официальной сферой общения. Данные конструкции содержат прямое сообщение для партнера и оказывают на него конкретное воздействие. Например, Эпё сире пухава пыма сёнётёп. «Я Вам советую прийти на собрание».

В повседневных ситуациях общения носители данного языка, прибегают к различным трансформам полной перформативной формулы, например, в конструкциях директивные глаголы заменяются на словосочетания с отглагольными существительными, например: приказ пар - «дать приказ»; Вилнисен ячёпе приказ паратӑп, Краснов боец! «От имени погибших даю приказ, боец Краснов!»; сёнӹ пар – давать совет, например: сана сёнӹ паратӑп: хулана вёренме кай «Даю тебе совет: поезжай учиться в город». Данные примеры показывают, что приведенные грамматические конструкции являются функциональными эквивалентами стандартной перформативной формулы.

Как особую разновидность матрицы можно рассматривать конструкции директивов, в которых глагольная лексика выступает в пассивной форме, например: Платниксене ёсе чёнеççё. «Приглашаются на работу плотники».

Отметим, что традиционно чувашский язык не рассматривает пассивную форму глагола, и поэтому там, где в русском языке выступает пассивная конструкция мы имеем активную форму. Об этом свидетельствует выше-

приведенный пример. Наиболее распространенными вариантами стандартной перформативной формулы в диалогическом общении, как показывают примеры, являются модализированные конструкции (Романов, 1987).

Следует подчеркнуть что в чувашской глагольной системе не выделяется отдельная группа модальных глаголов, и их функцию выполняют различные конструкции с причастием будущего времени. Пёртак ларма ыйтасшан сире. «Хочу попросить Вас немного посидеть», а также могут быть использованы конструкции с инфинитивом, например Сирёнтен ыйтма юрать-и?. «Можно Вас попросить?». Отметим что использование этих конструкций в различных ситуациях общения способствует усилению или смягчению степени воздействия на своего партнера по коммуникации (Романова, 2010; также: Романов, 1988; 2020; Романов, Романова, 2017; Малышева, 2021; 2023 и др.).

Довольно часто в диалогическом общении представители данной лингвокультуры используют конструкции как варианты полной перформативной формулы, где глагольные лексемы: ыйт «просить», хуш «требовать» и т.д., употребляются в первом лице единственного числа будущего времени. Например: Хавартах сиплеме ыйтап. «Прошу Вас быстрее вылечить» (Яковлева, 2012).

Рассмотренные грамматические конструкции, как варианты полной перформативной формуле часто встречаются в дискурсе носителей чувашского языка и употребляется в различных ситуациях диалогического общения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в чувашском языке эксплицитные перформативные формулы директивного типа имеют свои семантические и конструктивные особенности, обусловленные правилами грамматической системы данного языка, а именно: по месту расположения конститuentов стандартной перформативной формулы; неполная реализация аргументных позиций, т.е. опускается первый или второй актанта, а иногда оба актанта в одном и том же перформативном высказывании. В реальном

общении чаще всего обнаруживаются варианты директивного высказывания, которые представляют собой конструктивную неполноту, характерную для данного языка.

Источники – Primary Sources

Краснов Хәмла, 1977 – Краснов Хәмла // Пёлётсем шуса иртеççё. Пьесәсем. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1977. – С. 229–269.

Кăлкан, 1981 – Кăлкан А.Д. Пьесәсем. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1981. – 336 с.

Петров, 1995 – Петров К.К. Айаплисем: Роман, повесть, калав, очерк. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1995. – 423 с.

Родионов, 1991 – Родионов Л.Н. Ашшё çулёпе. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1991. – С. 226–276 с.

Тереньте, 1994 – Тереньтев Н.Т Суйласа илнё пьесәсем: Ике томпа 1 том. – Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1994. – 552 с.

Ссылки – References in Russian

Апресян, 1986 – *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия лит. и яз., 1986, Т.45, № 3. – С. 208–223.

Малышева, 2021 – *Малышева Е.В.* Особенности функционирования вербально-тактильных единиц: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 2. – С. 92–104. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

Малышева, 2023 – *Малышева Е.В.* Манипулятивный потенциал человека говорящего в медийном интернет-пространстве // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов / под ред. М.Н. Конновой [Электронный ресурс]: научное электронное издание. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. – С. 120–123.

Остин, 1986 – *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С.22– 131.

Романов, 1987 – *Романов А.А.* Модализированные перформативные конструкции в системе регулятивных средств диалогического общения // Перевод и автоматическая обработка текста. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1987. – С. 112–125.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ. С примерами из русского и немецкого языков. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 264 с.

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 2. С. 1–32. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романова, 2010 – *Романова Л.А.* Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: семантический и прагматический аспекты. Автореф. дис. докт. филол. наук. – Великий Новгород, 2010. – 48 с.

Яковлева, 1994 – *Яковлева Г.Г.* Речеорганизующая функция директивных реплик в диалоге (на материале французского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1994. – 22 с.

Яковлева, 2012 – *Яковлева Г.Г.* Языковые средства манифестационной репрезентации актов директивной дискурсии в диалогическом пространстве разных языков. [Электронный ресурс] Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2012, № 4. – С. 65–71. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

References

Apresjan, Ju.D. (1986) Performativy v grammatike i slovare // *Izvestija of USSR Academy of Sciences. Serija lit. i jaz.*, 45, № 3. – pp. 208–223. (In Russian)

Malysheva, E.V. (2021) Osobennosti funkcionirovanija verbal'no-taktil'nyh edinic: problemy i perspektivy [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, № 2. P. 92–104. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Malysheva, E.V. (2023) Manipuljativnyj potencial cheloveka govorjashhego v medijnom internet-prostranstve // *Manipulation and society: language, consciousness, culture: a collection of scientific works* / Under ed. M.N. Konnova [Electronic resource]: scientific electronic publication, Kaliningrad, Publishing House of BFU. I. Kant, pp. 120–123. (In Russian)

Ostin, Dzh.L. (1986) Slovo kak dejstvie // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. V. 17: Speech act theory.* – M., pp. 22– 131. (In Russian)

Romanov, A.A. (1987) Modalizirovannye performativnye konstrukcii v sisteme reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija // *Translation and automatic text processing*, M., In-t linguistics of the USSR Academy of Sciences, pp. 112–125. (In Russian)

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., In-t linguistics of the USSR Academy of Sciences, 183 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmaticheskaja model' rechevogo upravlenija dialogom: sistemnyj analiz. S primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov*, M., LENAND, 264 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Vektornaja napravlenost' pereformatirujushhego pogruzhenija v diskursivnoe prostranstvo informacionnyh atak [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, № 2. P. 1–32. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanova, L.A. (2010) *Kompozitnye performativy v funkcional'noj paradigme jazyka: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk, Veliky Novgorod, 48 p. (In Russian)

Jakovleva, G.G. (1994) *Recheorganizujushhaja funkcija direktivnyh replik v dialoge (na materiale francuzskogo i russkogo jazykov)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver, 22 p. (In Russian)

Jakovleva, G.G. (2012) Jazykovye sredstva manifestacionnoj reprezentacii aktov direktivnoj diskursii v dialogicheskom prostranstve raznyh jazykov. [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. P. 65–71. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)